

Испытание колоритом

«ТУРАНДОТ» НА ОЛИМПИЙСКОМ СТАДИОНЕ В ПЕКИНЕ удивляется СЕРГЕЙ ХОДНЕВ

Сьюзан Фостер, которой предстоит исполнить главную роль в постановке Чжан Имоу, уже пела партию Турандот (на фото внизу — постановка Пета Халмена, фестиваль в Савонлинне, 2009)

КИТАЙСКИЕ ВЛАСТИ
(СДАЛИСЬ «ТУРАНДОТ»
С НЕВЕРОЯТНОЙ ПОМПОЙ)

6 ОКТЯБРЯ на олимпийском стадионе «Птичье гнездо» в Пекине покажут оперу Пуччини «Турандот» в постановке Чжан Имоу. Очередное перемещение на стадион редко выглядит эпохальным событием для оперного театра, но тут к эпохальности не придерешься. Еще лет двадцать назад «Турандот» была в Китае запрещена. Совсем. Теперь постановка оперы должна ни много ни мало отмечать шестидесятилетие Китайской Народной Республики.

Это, конечно, поразительное решение. Чтобы рельефнее почувствовать его поразительность, я пытался сконструировать какой-нибудь столь же странный аналог ситуации при отечественных реалиях. Придумалось исполнение по случаю шестидесятилетия СССР оперы Бизе «Иван IV» (такая опера, ей-ей, есть). Но это, если честно, не совсем корректный аналог; все-таки в отношениях Китая с европейской культурой за последние десятилетия действительно произошло много всего диковинного, а Турандот (как образ и как сюжет, не только как опера) — в каком-то смысле символ причужливости всей истории этих отношений.

Европа интересовалась Китаем весьма давно: китайский шелк знали еще древ-

ние римляне, ну а о путешествиях Марко Поло и говорить не приходится, хотя реальной осведомленности европейцам хватало в основном на то, чтобы быть уверенными: «Катай» (так писали в Средние века) — несколько более реальная область, нежели земли псоглавцев, это обширное царство с очень своеобразными обычаями и ни на что не похожими товарами. Довольно долго Китай воспринимался как некий частный случай экзотического Востока вообще: не только у Ариосто, у которого в «Неистовом Роланде» прекрасная Анджелика именно «китайская» принцесса, но и, скажем, в падкой на условную экзотику литературе французского рококо. Это при том, что к XVIII веку культурные контакты с Китаем были делом уже более или менее регулярным, вплоть до того что миссионеры-иезуиты всерьез пытались одно время ввести в моду при дворе богдыхана на европейскую музыку.

Европейская музыка тоже не совсем избегла моды на китайщину, которая отзывалась в барокко и рококо тьмочисленными китайскими дворцами, китайскими павильонами и китайскими кабинетами. Образы китайской истории уже в XVIII столе-